

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ

Рассматривается отечественная благотворительность как институциональное явление; предпринята попытка теоретического обоснования современной отечественной благотворительности в контексте институциональных моделей; определена природа и сущностные характеристики института православной благотворительности и института современной рационально-эгоистической благотворительности, т.е. филантропии. Сделан вывод о полиинституциональности современной благотворительности и о многогранной природе современной частной благотворительности. Определены факторы инфляции благотворительности в контексте институтов православной благотворительности и филантропии.

Ключевые слова: благотворительность; традиционная благотворительность; институт светской рационально-эгоистической благотворительности (филантропии); институт православной благотворительности.

В свете институциональных трансформаций в сфере благотворительности в современном обществе доминантным становится новообразованный институт светской рационально-эгоистической благотворительности (филантропии), тогда как традиционная благотворительность отходит на второй план. В связи с полиинституциональностью современной благотворительности актуальным является её теоретическое обоснование в контексте институциональных моделей.

Институциональный – в частности системный – подход к осмыслению благотворительности имеет место в работах российского исследователя М. Фирсова [1–3]. Впрочем, подавляющее большинство работ современных исследователей благотворительности посвящена лишь отдельным сегментам этой системы (церковная благотворительность, корпоративная благотворительность, меценатство и т.п.) и оставляет за пределами научного внимания вопросы теоретического обоснования феномена благотворительности как системного и как институционального явления.

Благотворительность, которая пришла к нам в начале 90-х гг. вместе с новой политико-экономической системой, не просто отличается от традиционной по каким-то признакам, а является качественно другой. Эти качественные отличия обуславливаются в первую очередь самой сущностью благотворительности. Так, в основе традиционной благотворительности лежит этическая сущностная модель, а в основе современной – рационально-эгоистическая. В контексте институционального развития отечественной благотворительности также имеет значение биологическая модель. Эти модели различаются идеей, ценностью, направленностью и функциональностью благотворительности. Так, идеей биологической модели является помощь ради выживания, а ценностью – степень родства. Такая благотворительность направлена на родного человека, и главной её функцией является опека. Идеей этической модели является благо само по себе, а ценностью – бескорыстие мотивов благотворителя. Такая благотворительность характеризуется направленностью на постороннего человека, а главной её функцией является моральное совершенствование благотворителя. Идеей рационально-эгоистической модели благотворительности является творение блага для общества и для себя одновременно. Ценностью такой благотворительности является эффективность, а также общественная и частная

полезность, поэтому она имеет социальную направленность и публичный характер; главной функцией при этом является развитие гражданской активности.

Биологическая природа стала основой института архаической благотворительности, этическая – институтов православной и светской дореволюционной (этической) благотворительности, а рационально-эгоистическая – современного института благотворительности (филантропии). Таким образом, отличия современной благотворительности имеют не только сущностный характер, но и институциональный. Однако перед тем как перейти к институциональным характеристикам отечественной благотворительности, считаем необходимым отметить значение мировоззренческих и сущностных основ различных институтов благотворительности. Мировоззренческие различия, которые имеют место в контексте института православной благотворительности и институтов светской благотворительности (дореволюционной и современной), влияют на направленность благотворительной деятельности. Религиозный характер благотворительности делает её направленной на отдельного нуждающегося, тогда как светский характер обуславливает социальную направленность благотворительности. Мировоззренческая основа также определяет форму реализации морально-воспитательного потенциала благотворительности. В силу того, что православная благотворительность, так же как и православие, пронизана идеей мученичества, её морально-воспитательный потенциал реализуется через эмоции, которые имеют отрицательный знак модальности: сочувствие и сопереживание. Светская же благотворительность предусматривает реализацию морально-воспитательного потенциала через положительные эмоции, такие как радость от причастности к добру делу [4. С. 232].

Сходство сущностных моделей обуславливает процессуальную схожесть частной благотворительности. Так, например, этическая модель является причиной того, что в контексте институтов православной и светской дореволюционной (этической) благотворительности благотворительная деятельность не планируется, не контролируется и не анализируется, т.е. совершается ради самого блага. Сущностные модели также влияют на направленность благотворительной деятельности: этическая модель определяет направленность на отдельного нуждающегося, а рационально-эгоистическая характеризуется обществен-

ной направленностью. Поэтому в контексте традиционной благотворительности благотворительность является душевным порывом, тогда как в контексте филантропии – социальной ответственностью. В первом случае социально направленная благотворительная деятельность считается делом церкви, государства или богатых людей, а во втором – делом каждого человека.

В свете вышесказанного очевидным становится противоречие в институте светской дореволюционной (этической) благотворительности: его мировоззренческая основа обуславливает социальную направленность, тогда как сущностная модель – направленность на отдельного нуждающегося. Это противоречие нашло выражение в самом образе дореволюционного благотворителя, который в то время становится образованным, но продолжает оставаться верующим.

В плане институциональных характеристик следует отметить институты православной благотворительности и филантропии, которые в современном обществе имеют

чётко выраженную организационную структуру. Архаическая благотворительность и светская дореволюционная (этическая) также присутствуют в современном обществе, однако не на уровне институтов, а на уровне сущностных моделей. Так, биологическая благотворительность проявляется в формах родственной опеки, а этическая – в бессистемной помощи постороннему человеку. Однако следует отметить, что в современном обществе имеют место факты рационализации светской этической благотворительности. Этому способствуют фандрейзинговые компании благотворительных фондов, целью которых является сбор средств больным детям. Современные благотворители в рамках этической модели всё чаще используют технические коммуникативные технологии.

Институциональные характеристики православной благотворительности и филантропии (светской рационально-эгоистической благотворительности) отображены в табл. 1 и 2.

Т а б л и ц а 1

Институциональные характеристики института православной благотворительности

Мировоззрение	Религиозное
Природа (сущностная модель) частной благотворительности	Этическая
Ценность	Бескорыстие, совершенство мотивов благотворителя
Норма	Православная этика
Координационный центр	Церковь
Организации	Монастыри, приходы
Структура субъект-субъектных отношений	Благотворитель – нуждающийся; благотворитель – посредник (церковь) – нуждающийся
Фактор благотворительности	Сочувствие, сострадание
Понимание социально-направленной благотворительности	Дело церкви, государства и богатых людей
Специфика реализации морально-воспитательного потенциала	Через эмоции, которые имеют негативный знак модальности
Главная общественная функция	Моральное воспитание общества
Латентная функция	Распространение идей церкви

Т а б л и ц а 2

Институциональные характеристики института филантропии (светской рационально-эгоистической благотворительности)

Мировоззрение	Светское
Природа (сущностная модель) частной благотворительности	Рационально-эгоистическая
Ценность	Эффективность благотворительной деятельности, частная и общественная полезность
Норма	Закон, гражданский и налоговый кодексы
Координационный центр	Государство
Организации	Благотворительные и общественные организации
Структура субъект-субъектных отношений	Благотворитель – посредник (благотворительная организация) – получатель благотворительной помощи
Фактор благотворительности	Социальная ответственность, частный интерес
Понимание социально-направленной благотворительности	Дело всех граждан
Специфика реализации морально-воспитательного потенциала	Через эмоции с позитивным знаком модальности
Главная общественная функция	Развитие гражданской активности
Латентная функция	Распространение гуманистических идей

Изменения в структуре субъект-субъектных отношений в институте филантропии обусловлены развитием социально направленной деятельности. Понятие «получатель благотворительной помощи» включает не только людей, которым не хватает средств на еду или на лечение, но и тех, кому не хватает средств на собственную самореализацию, а также социально значимые отрасли (медицина, образование, наука, культура, спорт и социальная сфера). Под понятием «благотворитель» в филантропии понимают как физических, так и юридических лиц. Благотворителем также может быть страна.

Каждый из исследуемых институтов благотворительности имеет свои негативные факторы, обуславливающие его обесценение. В православной благотворительности – это профессиональное нищенство, а в филантропии такими факторами являются непонимание рационально-эгоистической природы филантропии; недоверие к профессиональным посредникам, использование благотворительности в качестве формы оплаты услуг и в качестве инструмента вымогательства.

Непонимание природы филантропии связано с осмыслением этого института по критериям института

православной благотворительности. Так, сегодня, при оценке филантропии, как правило, акцентируют внимание не на эффективности благотворительного поступка, а на мотиве благотворителя. Во время интервью с представителями благотворительных организаций интервьюеры часто обращаются к ним с вопросом об основной работе, игнорируя при этом тот факт, что благотворительность в контексте филантропии может быть профессиональной деятельностью [5].

Недоверие к посредникам – благотворительным организациям – объясняется, с одной стороны, сформированным в обществе стереотипом, согласно которому жертва должна передаваться из рук в руки, а с другой стороны – сомнительной репутацией института благотворительных организаций.

Использование благотворительности как формы оплаты услуг связано с игнорированием такого критерия благотворительности, как добровольность. В условиях, когда и медицина, и образование являются бесплатными только на бумаге, а получатели их услуг зачастую просто вынуждены делать благотворительные взносы, благотворительность, вместе с потерей критерия добровольности, теряет и свою ценность: происходит инфляция благотворительности [6. С. 249].

Ещё более опасным является то, что в нашем обществе имеют место факты использования благотворительности как инструмента вымогательства. В таком случае благотворительность вообще перестает быть тем, чем она является на самом деле, и в общественном сознании происходит категориальное смещение благотворительности из категории добра в категорию зла [6. С. 250].

Непонимание рационально-эгоистической природы современной благотворительности, недоверие к профессиональным посредникам, использование благотворительности в качестве формы оплаты услуг и инструмента вымогательства являются препятствиями на пути институционального становления филантропии, а следовательно, и эволюции нашего общества.

Следствием игнорирования современными научными исследованиями факта полиинституциональности отечественной благотворительности является то, что термины «светская» и «церковная» используют не как структурные единицы, а преимущественно как прилагательные. Структуризация благотворительности с уровня систем, т.е. её классификация на систему церковной благотворительности, систему государственной благотворительности, систему частной благотворительности, систему общественной благотворительности и систему благотворительности бизнеса, не обнаруживает полисистемности современной частной благотворительности. Тогда как структурирование благотворительности с помощью уровня метасистем выявляет, что в структуре метасистемы светской благотворительности имеет место светская частная рационально-эгоистическая благотворительность и светская частная

этическая благотворительность, а в метасистеме православной благотворительности – милостыня.

В научной литературе игнорирование факта институциональной полимодельности благотворительности становится причиной дискуссий, в основе которых лежит подмена понятий. Так, например, Н. Колосова, пытаясь опровергнуть утверждение М. Дмитриенко и А. Яся о том, что «традиции благотворительности на протяжении столетий формировались почти исключительно на общественных началах и частной инициативе» [7. С. 41], приводит пример о юридическом регулировании частной и церковной благотворительной деятельности киевскими князьями. При этом М. Дмитриенко и А. Ясь подразумевают историю формирования светской благотворительности [8], тогда как Н. Колосова пишет о православной благотворительности.

Таким образом, в процессе исследования выявлены институциональные характеристики православной благотворительности и филантропии (светской рациональной благотворительности). Выяснено, что особенности институционального выражения православной благотворительности и филантропии прослеживаются на уровнях мировоззрения, природы частной благотворительности, ценностей, нормы, координационных центров, организаций, структуры субъект-субъектных отношений, фактора благотворительной деятельности, понимания социально-направленной благотворительности, специфики реализации морально-воспитательного потенциала, главной общественной и латентной функций.

Обнаружено, что в контексте православной благотворительности обесценение благотворительности обусловлено профессиональным нищенством, а в контексте филантропии – непониманием её рационально-эгоистической природы; недоверием к профессиональным посредникам, использованием благотворительности в качестве формы оплаты услуг и в качестве инструмента вымогательства.

Установлено, что частная благотворительность в современном обществе осуществляется с помощью различных сущностных моделей: биологическая благотворительность обнаруживается в формах родственной опеки, этическая – в бессистемной помощи постороннему человеку, а рационально-эгоистическая – в плановой, стратегической помощи.

Также отмечено, что понимание благотворительности как полиинституционального явления значимо для понимания благотворительности в целом, а понимание полисистемности частной благотворительности – для эффективной фандрейзинговой работы; подчеркнута важность институционального становления филантропии (светской рациональной благотворительности) как неотъемлемой составляющей современной политико-экономической системы и фактора общественного развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Фирсов М.В.* Введение в теоретические основы социальной работы (историко-понятийный аспект). М.: Институт практической психологии, 1997.
2. *Фирсов М.В.* Социальная работа в России: теория, история и общественная практика // *Работник социальной службы.* 2002. № 1. С. 7–37.
3. *Фирсов М.В.* Социальная работа в России: теория, история и общественная практика // *Работник социальной службы.* 2001. № 2. С. 21–32.

4. Толмачёва И.А. Морально-воспитательный потенциал благотворительности. Современное социально-гуманитарное знание в России и за рубежом : материалы III Междунар. науч.-практ. конф. (28 октября 2013 г.) : в 5 т. Т. 5 : Философия и культурология; социология и социальная работа; психология / науч. ред. К.В. Патырбаева, Е.Ю. Мазур ; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2013. С. 229–234.
5. День детей Солнца // Сюжет информационной программы «Завтрак с 1+1» телекомпании 1+1. Эфир 21.03.2013.
6. Толмачова І.А. Сучасні інфляційні процеси поняття «благодійництво» // Українська культура ХХІ століття: стан, проблеми, тенденції : зб. матеріалів Всеукр. наук.-теор. конф. (Київ, 22 грудня 2010 р.) К. : КНУКіМ, 2010. С. 249–250.
7. Колосова Н.А. Благотворительная деятельность в культуре Украины в контексте отечественных и европейских традиций (конец XX – начало XXI в.) : дис. ... канд. ист. наук. М., 2006. 187 с.
8. Дмитриенко М., Ясь А. Благотворительность как атрибут гражданского общества: история и современность // Перестройка государства. 1994. № 6. С. 37–44.

Статья представлена научной редакцией «Культурология» 4 декабря 2013 г.

DOI: 10.17223/15617793/379/17

Tolmacheva Irina A. Kiev National University of Culture and Arts, a graduate (Kiev, Ukraine); NGO Institute of Philanthropy (Kiev, Ukraine). E-mail: tolmira@ukr.net

INSTITUTIONAL MODELS OF MODERN NATIONAL CHARITY.

Key words: charity; traditional charity; institute of secular rational-egoistic charity (philanthropy); institute of Orthodox charity.

The article considers the modern domestic charity as an institutional phenomenon. An attempt is made to theoretically justify the modern national charity in the context of institutional models. The nature and essential characteristics of the institute of Orthodox charity and of the institute of modern rational-egoistic charity (philanthropy) were determined. It was found that the institutional specificity of Orthodox charity and philanthropy is detected at the levels of private philanthropy nature, values, norms, focal points, organisation, structure, subject-subject relations, charity factor, understanding of socially oriented charity, moral educational potential factor implementation, basic public and latent functions. We found that in the context of Orthodox charity the inflation factor is professional begging, but in the context of philanthropy it is the misunderstanding of its rational-egoistic nature, distrust of professional intermediaries, as well as the use of philanthropy as a form of payment and as a tool for extortion. Misunderstanding of the nature of philanthropy involves using the criteria of Orthodox charity in its assessment. It was noted that the use of philanthropy as a tool for extortion causes a categorical shift of charity from the category of the good in the category of the evil in the public consciousness. Misunderstanding of the rational-egoistic nature of modern charity; lack of trust in professional intermediaries, use charity as a payment tool and the extortion cause obstacles to the formation of institutional philanthropy, and, consequently, the evolution of our society. The consequence of ignoring in modern research of the fact of the poly-system of national charity, is that the terms "secular" and "church" is used, not as a structural unit, but preferably as adjectives. The consequence of ignoring the fact of poly-institutionalism of the national charity in modern research is that the terms "secular" and "church" are used not as structural units, but mostly as adjectives. Structuring of charity using the system level does not detect the poly-system character of modern private philanthropy; while charity structuring using the meta-system level shows that in the structure of secular private charity there exists rational-egoistic charity and private secular ethical charity, and in the meta-system of Orthodox charity – alms. Ignoring the system and institutional approach is an obstacle to the development of the scientific paradigm of charity. Also, it was noted that the understanding of charity as a poly-institutional phenomenon is important for understanding of philanthropy in general; and understanding of the poly-system character of private charity is crucial for effective fundraising work. It was found that private philanthropy in modern society is based on different models: biological charity takes place in the forms of kinship care, ethical – in random help to strangers, and rational-egoistic – in a planned strategic assistance. In today's society there are facts of ethical rationalization of secular charity. The conclusion is that charity in today's society is a poly-institutional phenomenon. Modern private charity has a multi-faceted nature.

REFERENCES

1. Firsov M.V. Vvedenie v teoreticheskie osnovy sotsial'noy raboty (istoriko-ponyatiynyy aspekt). M. : Institut prakticheskoy psikhologii, 1997.
2. Firsov M.V. Sotsial'naya rabota v Rossii: teoriya, istoriya i obshchestvennaya praktika // Rabotnik sotsial'noy sluzhby. 2002. № 1. S. 7–37.
3. Firsov M.V. Sotsial'naya rabota v Rossii: teoriya, istoriya i obshchestvennaya praktika // Rabotnik sotsial'noy sluzhby. 2001. № 2. S. 21–32.
4. Tolmacheva I.A. Moral'no-vospitatel'nyy potentsial blagotvoritel'nosti. Sovremennoe sotsial'no-gumanitarnoe znanie v Rossii i za rubezhom : materialy III Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (28 oktyabrya 2013 g.) : v 5 t. T. 5 : Filosofiya i kul'turologiya; sotsiologiya i sotsial'naya rabota; psikhologiya / nauch. red. K.V. Patyrbaeva, E.Yu. Mazur ; Perm. gos. nats. issled. un-t. Perm', 2013. S. 229–234.
5. Den' detey Solntsa // Syuzhet informatsionnoy programmy «Zavtrak s 1+1» telekompanii 1+1. Efir 21.03.2013.
6. Tolmachova I.A. Suchasni inflyatsiyni protsesi ponyattya «blagodiynistvo» // Ukraïns'ka kul'tura XXI stolittya: stan, problemi, tenden-tsiï : zb. materialiv Vseukr. nauk.-teor. konf. (Kiïv, 22 grudnya 2010 r.) K. : KNUKіM, 2010. S. 249–250.
7. Kolosova N.A. Blagotvoritel'naya deyatel'nost' v kul'ture Ukrainy v kontekste otechestvennykh i evropeyskikh traditsiy (konets KhKh – nachalo XXI v.) : dis. ... kand. ist. nauk. M., 2006. 187 s.
8. Dmitrienko M., Yas' A. Blagotvoritel'nost' kak atribut grazhdanskogo obshchestva: istoriya i sovremennost' // Perestroyka gosudarstva. 1994. № 6. S. 37–44.